

В поэзию его напутствовал нобелевский лауреат по литературе Борис Пастернак, о нем комплиментарно писали нобелевские лауреаты Иосиф Бродский и Александр Солженицын. Он был одним из организаторов легендарной поэтической группы СМОГ. Работал экскурсоводом на Соловках, в Кирилло-Белозерском и Ферапонтовском музеях. Лишенный возможности трудиться по профессии, искусствоведом, после публикации на Западе открытого письма «Ко всем нам», приуроченного к двухлетию высылки Солженицына, – работал сторожем, истопником и дворником в московских и подмосковных церквях и храмах. В 1982 году он уехал, выданный в эмиграцию, а в 1990-м вернулся, когда многие, наоборот, бежали из страны. Заведовал отделом публицистики и поэзии в журнале «Новый мир». Получил премию Александра Солженицына за «правдивую точность поэтического слова, за богатство и метафоричность языка», и за недвусмысленную гражданскую позицию, что абсолютно его характеризует. Он блистательно владеет словом, или слово владеет им, что суть одно и то же. Он – поэт первого ряда, ему исполняется семьдесят лет, и мы искренне поздравляем его с юбилеем и желаем долгих лет жизни и бесконечного вдохновения!

Редакция журнала «Нижний Новгород»

* * *

Отчаянный холод в мертвом заводе, пустые стены и бушующий ветер, врывающийся в разбитые стекла окон. Жизнь замерла. Доносятся тревожные крики чаек. И всем существом ощущаю ничтожество человека, его дел, его усилий.

Из последнего письма отца Павла Флоренского с Соловков (4.VI.1937)

Волны падают – стена за стеной
под полярной раскаленной луной.

За вскипающую зыбью вдали
близок край не ставшей отчей земли:

соловецкий островной карантин,
где Флоренский добывал желатин

в сальном ватнике на рыбьем меху
в продуваемом ветрами цеху.

Там на визг срываться чайкам легко,
ибо, каркая, берут высоко

из-за пайки по-над массой морской,
искушающие крестной тоской.

Все ничтожество усилий и дел
человеческих, включая расстрел

и отчаянные холод и мрак,
пронизавшие завод и барак,

хоть окрест, кажись, эон и иной,
остаются посегодня со мной.

Грех роптать, когда вдвойне повезло:
ни застенка, ни войны. Только зло,

причиненное в избытке отцу,
больно хлещет и теперь по лицу.

Преклонение, смятение, боль
продолжая перемалывать в соль,

в неуступчивой груди колотьба
гонит в рай на дармовые хлеба.

Распахну окно, за рамы держась,
крикну: «Отче!» – и замру, торопясь

сосчитать, как много минет в ответ
световых непродолжительных лет.

* * *

Россия, ты моя!

И дождь сродни потопу,
и ветер, в октябре сжигающий листья...
В завшивленный барак, в распутную Европу
мы унесём мечту о том, какая ты.

Чужим не понята. Оболгана своими
в чреде глухих годин.
Как солнце плавкое в закатном смуглом дыме
бурьяна и руин,

вот-вот погаснешь ты.

И кто тогда поверит
слезам твоих кликуш?
Слепые, как кроты, на ощупь выйдут в двери
останки наших душ.

...Россия, это ты
на папертях кричала,
когда из алтарей сынов везли в Кресты.
В края, куда звезда лучом не доставала,
они ушли с мечтой о том, какая ты.

1978

* * *

В пору богомерзкую, ближе к умиранию,
впрочем, с обретением отеческих пенат,
поминаю вешнюю, тёплую Британию,
всю в вишнёвой кипени много лет назад:
как чему-то встречные клерки веселились
в том раю потерянном делу вопреки
и галёрку в опере, куда не доносились
Командора гулкие, видимо, шаги.
Времена далёкие – аж до сотворения
космоса – открытого для души,
то бишь, самостийницы вплоть до отделения
и переселения в иные шалаши.
Говорят, «влияние английских метафизиков»,
«в духе их наследия» – не знаю, не читал;
но твоё присутствие той же ночью близкое
незаметно вынесло спящего в астрал.
С той минуты многое кануло и минуло.
Стал в своём отечестве я лохом и ловцом
человеков... Ты меня давно из сердца вынула,
сходного с подёрнутым рябью озерцом.
В целом, тишина окрест прямо погребальная,
в общем, идеальная пожива для молвы.
Только где-то слышится перестрелка дальняя
кем-то потревоженной солнцевской братвы.

1997

Пленник

За падавшим в реку мячиком,
а может, и не за ним,
я прыгнул с обрыва мальчиком
и выплыл совсем другим.
Да вот же он, неукраденный,
не шедший в распыл, в навар,
не ради забавы даденый,
уловленный цепко дар.

С тех пор из угла медвежьего,
неведомого дотоль –
на карте отыщешь где ж его –
ко мне поступала боль.

Кончающиеся в бедности
намоленные края –
здесь тоже черта оседлости
невидимая своя...

Вскипали барашки снежные,
и мы, отощав с тоски,
как после войны – мятежные
садились за колоски
убогого слова вольного.
Потом, перебив хребет
души, из райка подпольного
нас вытянули на свет.

Ползите, пока ходячие,
в зазывный чужой капкан.
Глядите, покуда зрячие,
на лобную казнь Балкан.
Просторней весной сиреневой
заброшенные поля.
Но коже подстать шагреновой
сжимается мать-земля.

Догадки о русском Логосе
отходят к преданьям – в синь,
оставив звезду не в фокусе
и приторную полынь
во рту у стихослагателя,
глотающего слюну,
как будто у неприятеля,
прижившегося в плену.

1999

Под Вязьмой

Есть место им в полях России...

Пушкин

На весях Вязьмы минувшим летом
гостил, — где некогда в аккурат
под старой липой с подсохшим цветом
спал на походной кошме Мюрат.

Есть безответная, вероятно,
загадка, кто б ни давал приказ,
в немотивированных затратных
бросках в Россию армейских масс.

Живой, как пишется в сводках, силы
без счёту тут полегло, и вот
теперь поля её суть могилы
своей и многих чужих пехот.

И только певчие невидимки
их тут и чествуют в заревой
слоящейся по бурьянам дымке
ещё при звездах над головой.

2014

* * *

Как работяг на полюсе,
где замерзает ртуть,
ветер сгибает в поясе
и не пускает в путь.
Всё интенсивней тёмное
светлого визави.
Много осталось тёплого
в старой моей крови,
тёплого и мятежного.
Но в гулевой груди
ласкового и нежного
зверя не разбуди.

Стать бы тобою чаемым,
вновь заплутав в пути,
малоимущим фраером
лет двадцати пяти
с траченным прямой голосом.
Чтоб у замёрзших рек
сыпался нам на волосы
и парусинил снег.
Чтобы вдвоём с усилиями
шли мы рука в руке,
шли...
И вожатых с крыльями
видели вдалеке.

2012

* * *

Признаёшь ли, Отечество, сына
после всех годовщин?
Затянула лицо паутина,
задубев на морозе, морщин.
И Блаженный сквозь снежную осыпь
в персиянских тюрбанах своих
на откосе,
словно славное воинство, тих.

Человеки
те и те, и поди разреши:
где иовы-калеки,
где ослабленные алкаши,

вновь родных подворотен
отстоявшие каждую пядь.
Нам со дна преисподней
с четверенек неловко вставать.

...Расставаясь с Украиной,
пошатнулся рукастый репей,
сей дозорный безкрайних
отложившихся волн и степей.
Родовую землю
у каких пепелищных огней,
аки хищную птицу,
нам отпаивать кровью своей?

1992

СНЫ

Зимою – впадиной каждой, полостью
пренебрегавшие до сих пор
льды заполняют едва ль не полностью
речные русла, объем озер.
Лишь луч, нащупавший прорубь черную
там, где излучки в снегах изгиб,
работу видит локомоторную
мускулатуры придонных рыб.

Россия! Прежде военнопленную
тебя считал я, и как умел,
всю убеленную, прикровенную
до горловых тебя спазм жалел.
И ныне тоже, как листья палые
иль щука снулая блеск блесны,
я вижу изредка запоздалые
неразличимые те же сны.

2004

Кишмиш

За соснами в алых лианах
осенняя волглая тишь.
Туда с пустотою в карманах
приедешь, верней, прилетишь.

В присутствии бунинской тени
его героине опять
начнешь, задыхаясь, колени
сквозь толстую ткань целовать.

И шепчешь, попреков не слыша,
одними губами: «Прости,
подвяленной кистью кишмиша
потом в темноте угости.

Пусть таинство нашего брака
с моей неизбывной виной
счастливцу поможет, однако,
в окопах войны мировой.

И в смуту, когда изменили
нам хляби родимой земли,
прости, что в поту отступили,
живыми за море ушли.

В сивашском предательском иле,
в степи под сожженной травой
и в сент-женевьевской могиле
я больше, чем кажется, – твой».

1999

* * *

Осень выдалась тогда золотая –
ни дождей, ни хмури.
Под Изборском ясновидящая слепая,
как вошёл к ней в горницу, сразу признала:
– Юрий.

Вся светилась кротостью голубиной,
словно принимала меня за брата.
А в промытых окнах над котловиной
раскалялся меркнувший спектр заката.

Несравненна эта на койке узкой
красота молитвенной жизни русской.

С той поры слизнула судьба полвека.
Прогулял я жизнь, забывал поститься,
одичал в норе своего сусека,
походя всё меньше на человека,
думающего, что ему простится.

Сам теперь я часто лежу, болея.
По другую сторону листопада,
если повидаемся, Пелагея,
вновь меня признаешь ли там за брата?